

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ

ТВАРДОВСКИЙ

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я   к л а с с и к а

Александр Трифонович Твардовский Василий Тёркин

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145781

Василий Теркин : [сборник] / А.Т. Твардовский: Детская литература;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116898-8

Аннотация

«Василий Теркин» – opus magnum Твардовского, его «визитная карточка». В русской поэзии это одно из самых замечательных произведений, посвященное образу настоящего «народного» героя – русского солдата, бесстрашного, добросердечного и неунывающего. Но совсем другая интонация звучит и в горько-ироничном «Теркине на том свете», и в автобиографичном «По праву памяти» – поэмах, каленым железом клеймящих кошмар сталинизма и запрещенных при жизни автора.

В сборник также вошли стихотворения разных лет – преимущественно поздняя лирика Твардовского, его осмысление жизни и творческого пути.

Содержание

Лирика	5
РОДНОЕ	5
«Зашел я в дом, где жил герой...»	7
«Велика страна родная...»	9
«В поле, ручьями изрытом...»	11
«В дружбе есть святая проба...»	12
Моим критикам	13
«Та кровь, что пролита недаром...»	14
Слово о словах	16
«Дробится рваный цоколь монумента...»	19
«Мне сладок был тот шум сонливый...»	20
«Посаженные дедом деревца...»	22
«Все сроки кратки в этом мире...»	23
«Как неприятно этим соснам в парке...»	24
«Как глубоко ни вбиты сваи...»	26
«Чернил давнишних блеклый цвет...»	27
«Ночью все раны больше болят...»	28
«День прошел, и в неполном покое...»	29
«Погубленных березок вялый лист...»	30
«Просыпаюсь по-летнему...»	31
«Есть имена и есть такие даты...»	32
«Который год мне снится, повторяясь...»	33
«Я знаю, никакой моей вины...»	34

«Лежат они, глухие и немые...»	35
«Такою отмечен я долей бедовой...»	36
«Спасибо за утро такое...»	38
«На дне моей жизни...»	39
«Чуть зацветет иван-чай...»	41
«Полночь в мое городское окно...»	43
«В чем хочешь человечество вини...»	44
«Допустим, ты свое уже оттопал...»	45
«К обидам горьким собственной персоны...»	46
«Когда обычный праздничный привет...»	47
«Не заслоняй святую боль...»	48
«Нет ничего, что раз и навсегда...»	49
«Что нужно, чтобы жить с умом?...»	50
«Час мой утренний, час контрольный...»	52

Поэмы	53
Василий Теркин	53
От автора	53
НА привале	56
Перед боем	65
Переправа	75
О войне	85
Теркин Ранен	88
О награде	100
Гармонь	104
Два солдата	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Александр Твардовский Василий Теркин. Сборник

Лирика

РОДНОЕ

Дорог израненные спины,
Тягучий запах конопли...
Передо мной знакомые картины
И тихий вид родной земли...

Я вижу – в сумерках осенних
Приютом манят огоньки.
Иду в затихнувшие сени,
Где пахнет залежью пеньки.

На стенке с радостью заметить
Люблю приклеенный портрет.
И кажется, что тихо светит
В избе какой-то новый свет.

Еще с надворья тянет летом,
Еще не стихнул страдный шум...

Пришла «Крестьянская газета»,
Как ворох мужиковских дум.

А проскрипит последним возом
Уборка хлеба на полях —
И осень закует морозом
В деревне трудовой размах.

Придет зима. Под шум метелей
В читальне, в радостном тепле,
Доклад продуманный застелет
Старинку темную в селе...

А за столом под шум газетный
Улыбки вспыхнут в бородах,
Прочтя о разностях на свете,
О дальних шумных городах.

«Зашел я в дом, где жил герой...»

Зашел я в дом, где жил герой,
А нынче мать его осталась
Да с ней парнишка – сын второй,
Что стал опорой под старость.

Большому горю скоро год,
А мать по-прежнему украдкой —
Нет-нет и снова перечтет
Все те слова бумаги краткой.

Знать, с каждым разом в том письме
Дороже буква ей любая.
Сидит, забывшись, как во сне,
Из рук платок не выпуская.

С пеленок сына никому
Не уступали эти руки,
Кроили курточки ему,
Обнять спешили в день разлуки.

И вот молва гремит о нем,
Все почести ему отдали.
А здесь его, в селе родном,
Еще по отчеству не звали —

Так молод был. Кому бы знать,
Что многих славою богаче
Он станет вдруг. А мать? А мать
И думать не могла иначе.

Что в самый кинется огонь,
Не струсит, знала без проверки...
Стоит в углу его гармонь
И стопка книг на этажерке.

И на меньшого смотрит мать:
Ничем тут, видно, не поможешь.
Ему играть, ему читать
И быть на старшего похожим.

1940

«Велика страна родная...»

Велика страна родная,
Так раскинулась она,
Что и впрямь – война иная
Для нее как не война.

Но в любой глухой краине,
Но в любой душе родной
Столько связано отныне
С этой, может, не войной.

Пусть прибитый той зимою
След ее травой порос,
И прибой залива моет
Корни сосен и берез,

Пусть в тот край вернулись птицы,
И пришло зверье в леса,
И за старую границей
День обычный начался, —
Там...

Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих,
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них.

«В поле, ручьями изрытом...»

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне:

Полой водой и – нежданно —
Самой простой, полевой
Травкою той безымянной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жены без нас постарели,
Дети без нас подросли?..

«В дружбе есть святая проба...»

В дружбе есть святая проба,
Есть заветная статья:
Если мы друзья до гроба —
И за гробом мы друзья.

Верю я в закон могучий,
Что на свете не избыт:
Друг мой, смерть нас не разлучит,
Если жизнь не пособит.

Пусть прощанья час настанет —
Мне ль, тебе ль придет черед —
Дружбы долг в себе оставит
Нерушимо — тот и тот.

Дружбы подлинной науку
Средь живых познав людей,
Я твою живую руку
Как бы въявь держу в своей...

Моим критикам

Всё учить вы меня норовите,
Преподасть немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

1956

«Та кровь, что пролита недаром...»

Та кровь, что пролита недаром
В сорокалетний этот срок,
Нет, не иссякла внешним паром
И не ушла она в песок.

Не затвердела год от года,
Не запеклась еще она.
Та кровь подвижника-народа
Свежа, красна и солона.

Ей не довольно стать зеленой
В лугах травой, в садах листвою,
Она живой, неразворенной
Горит, как пламень заревой.

Стучит в сердца, владеет нами,
Не отпускает ни на час,
Чтоб наших жертв святая память
В пути не покидала нас.

Чтоб нам, внимая славословью,
И в праздник нынешних побед
Не забывать, что этой кровью
Дымится наш вчерашний след.

И знать, что к бою правомочна
Она призвать нас вновь и вновь...
Как говорится: «Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

1957

Слово о словах

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Обычной жалобы зачина —
Мол, нету слов — не заводи.

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые все,
Теряют вес, как мухи мрут.

Да, есть слова, что жгут, как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупю применяю
Слова мои к делам твоим.

Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я как кощунства — краснословья
Остерегаюсь, как беды.

Не белоручка и не лодырь,
Своим кичащийся пером, —
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

Мне горек твой упрек напрасный.
Но я в тревоге всякий раз:
Я знаю, как слова опасны,
Как могут быть вредны подчас;

Как перед миром, потрясенным
Величьем подвигов твоих,
Они, слова, дурным трезвоном
Смущают мертвых и живых;

Как, обольщая нас окраской,
Слова – труха, слова – утиль
В иных устах до пошлой сказки
Низводят сказочную быль.

И я, чей хлеб насущный – слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;

Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал;
Чтоб не транжирить как попало
Из капиталов капитал;

Чтоб не мешать зерна с половой,
Самим себе в глаза пыля;
Чтоб шло в расчет любое слово
По курсу твердого рубля.

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял, —
Нет, слово – это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

1962

«Дробится рваный цоколь монумента...»

Дробится рваный цоколь монумента,
Взывает сталь отбойных молотков.
Крутой раствор особого цемента
Рассчитан был на тысячи веков.

Пришло так быстро время пересчета,
И так нагляден нынешний урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Она, по справедливости, не впрок.

Но как сцепились намертво камня,
Разъять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвеньи
Немалых тоже требует трудов.

Все, что на свете сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том,
Что сам собою камень, —
Он не бывает ни добром, ни злом.

«Мне сладок был тот шум сонливый...»

Мне сладок был тот шум сонливый
И неусыпный полевой,
Когда в июне, до налива,
Смыкалась рожь над головой.

И трогал душу по-другому, —
Хоть с детства слух к нему привык, —
Невнятный говор или гомон
В вершинах сосен вековых.

Но эти памятные шумы —
Иной порой, в краю другом —
Как будто отзвук давней думы,
Мне в шуме слышались морском.

Распознавалась та же мера
И тоны музыки земной...
Все это жизнь моя шумела,
Что вся была еще за мной.

И все, что мне тогда вешала,
Что обещала мне она,
Я слышать вновь готов сначала,

Как песню, даром что грустна.

1964

«Посаженные дедом деревца...»

Посаженные дедом деревца,
Как сверстники твои, вступали в силу
И пережили твоего отца,
И твоему еще предстанут сыну
Деревьями.

То в дымке снеговой,
То в пух весенний только что одеты,
То полной прошумят ему листвой,
Уже повеяв ранней грустью лета...
Ровесниками века становясь,
В любом от наших судеб отдаленье,
Они для нас ведут безмолвно связь
От одного к другому поколенью.

Им три-четыре наших жизни жить.
А там другие сменят их посадки.
И дальше связь пойдет в таком порядке...

Ты не в восторге?
Сроки наши кратки?
Ты что иное мог бы предложить?

«Все сроки кратки в этом мире...»

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращения – на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять кипит в цвету.

Но побуревшее соцветье
Сменяя кистью семенной,
Она, сирень, еще весной —
Уже в своем дремотном лете.

И даже свежий блеск в росе
Листвы, еще не запыленной,
Сродни той мертвенной красе,
Что у листвы вечнозеленой.

Она в свою уходит тень.
И только, пета-перепета,
В иных стихах она все лето
Бушует будто бы, сирень.

«Как неприятно этим соснам в парке...»

Как неприятно этим соснам в парке,
Что здесь расчерчен, в их родных местах,
Там-сям, вразброс, лесные перестарки,
Стоят они – ни дома, ни в гостях,

Прогонистые, выросшие в чаще,
Стоят они, наружу голизной,
Под зимней стужей и жарой палящей
Защиты лишены своей лесной.

Как стертые метелки, их верхушки
Редеют в небе над стволом нагим.
Иные похилились друг ко дружке,
И вновь уже не выпрямиться им...

Еще они, былую вспомнив пору,
Под ветром вдруг застонут, заскрипят,
Торжественную песнь родного бора
Затянут вразнобой и невпопад.

И оборвут, постанывая тихо,
Как пьяные, мыча без голосов...
Но чуток сон сердечников и психов

За окнами больничных корпусов.

1965

«Как глубоко ни вбиты сваи...»

Как глубоко ни вбиты сваи,
Как ни силен в воде бетон,
Вода бессонная, живая
Не успокоится на том.

Века пройдут – не примирится, —
Ей не по нраву взаперти.
Чуть отвернись – как исхитрится
И прососет себе пути.

Под греблей, сталью проплетенной,
Прорвется – прахом все труды —
И без огня и без воды
Оставит город миллионный.

Вот почему из часа в час
Там не дозор, а пост подводный,
И стража спит поочередно,
А служба не смыкает глаз.

«Чернил давнишних блеклый цвет...»

Чернил давнишних блеклый цвет,
И разный почерк разных лет
И даже дней – то строгий, четкий,
То вроде сбивчивой походки —
Ребяческих волнений след,
Усталости иль недосуга
И просто лени и тоски.
То – вдруг – и не твоей руки
Нажимы, хвостики, крючки,
А твоего бывшего друга —
Поводыря начальных дней...
То мельче строчки, то крупней,
Но отступ слева все заметней
И спуск поспешный вправо, вниз,
Совсем на нет в конце страниц —
Строки не разобрать последней.
Да есть ли толк и разбирать,
Листая старую тетрадь
С тем безысходным напряженьем,
С каким мы в зеркале хотим
Сродниться как-то со своим
Непоправимым отраженьем?..

«Ночью все раны больнее болят...»

Ночью все раны больнее болят, —
Так уж оно полагается, что ли,
Чтобы другим не услышать, солдат,
Как ты в ночи подвываешь от боли.

Словно за тысячи верст от тебя
Все эти спящие добрые люди
Взапуски, всяк по-другому храпя,
Гимны поют табаку и простуде, —

Тот на свистульке, а тот на трубе.
Утром забудется слово упрека:
Не виноваты они, что тебе
Было так больно и так одиноко...

1965

«День прошел, и в неполном покое...»

День прошел, и в неполном покое
Стихнул город, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним – за рассветной чертой —
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

1966

«Погубленных березок вялый лист...»

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И Духов день. Собрание в ячейке,
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый —
В душе поет под музыку секрет,
Что скоро мне семнадцать полных лет
И я, помимо прочего, поэт, —
Какой хочу, такой и знаменитый.

1966

«Просыпаюсь по-летнему...»

Просыпаюсь по-летнему
Ради доброго дня.
Только день все заметнее
Отстает от меня.

За неясными окнами,
Словно тот, да не тот,
Он над елками мокрыми
Неохотно встает.

Медлит высветить мглистую
Дымку – сам не богат.
И со мною не выстоит,
Первым канет в закат.

Приготовься заранее
До конца претерпеть
Все его отставания,
Что размечены впредь.

«Есть имена и есть такие даты...»

Есть имена и есть такие даты, —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

1966

«Который год мне снится, повторяясь...»

Который год мне снится, повторяясь
Почти без изменений, этот сон:
Как будто я, уже с войны вернувшись,
Опять учиться должен в институте
И полон вновь школярскою тревогой,
Как зазубрить лежалые науки,
И страшно мне и горько осрамиться
В той юности моей, второй иль третьей.
И я, проснувшись, рад чистосердечно,
Что в яви нету мне такой мороки,
Но всякий раз потом бывает грустно.

1966

«Я знаю, никакой моей вины...»

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

«Лежат они, глухие и немые...»

Лежат они, глухие и немые,
Под грузом плотной от годов земли —
И юноши, и люди пожилые,
Что на войну вслед за детьми пошли,
И женщины, и девушки-девчонки,
Подружки, сестры наши, медсестренки,
Что шли на смерть и повстречались с ней
В родных краях иль на чужой сторонке,
И не затем, чтоб той судьбой своей
Убавить доблесть воинов мужскую,
Дочерней славой – славу сыновей, —
Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
Верней всего, не думали о ней.

1966

«Такою отмечен я долей бедовой...»

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,
Сгребала сенцо на опушке еловой, —
Минута пришла – далеко до постели.

И та закрепилась за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогодною хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки, и всякие толки, —
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки,
Не трогают волки.

Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменною злобой
Едят меня всякие серые волки.

Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

1966

«Спасибо за утро такое...»

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного – не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красы,

Когда над изгибом тропинки
С разлтых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошинки,
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье —
Не знаю, чему иль кому —
Спасибо, но, может, отчасти
Сегодня – себе самому.

1966

«На дне моей жизни...»

На дне моей жизни,
на самом доньшке
Захочется мне
посидеть на солнышке,
На теплом пенушке.

И чтобы листва
красовалась палая
В наклонных лучах
недалекого вечера.
И пусть оно так,
что морока немалая —
Твой век целиком,
да об этом уж нечего.

Я думу свою
без помехи подслушаю,
Черту подведу
стариковскую палочкой:
Нет, все-таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой.

1967

«Чуть зацветет иван-чай...»

Чуть зацветет иван-чай, —
С этого самого цвета —
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдневное лето.

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

От перестоя трава
Никнет в сухом оперенье.
Как жестяная, мертва
Темная зелень сирени.

Где-то уже позади
День равноденствие славит.
И не впервые дожди
В теплой листве шепелявят.

Не пропускай, отмечай
Снова и снова на свете
Легкую эту печаль,
Убыли-прибыли эти.

Все их приветствуй с утра
Или под вечер с устатку...
Здравствуй, любая пора,
И проходи по порядку.

1967

«Полночь в мое городское окно...»

Полночь в мое городское окно
Входит с ночными дарами:
Позднее небо полным-полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
Где-нибудь в дедовском поле
Скопища эти холодным огнем
Точно бы в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Звездное небо томило:
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.

«В чем хочешь человечество вини...»

В чем хочешь человечество вини
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чем природа и погода:
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни.

Безветренны, теплы – почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.

Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?

1968

«Допустим, ты свое уже оттопал...»

Допустим, ты свое уже оттопал
И позади – остался твой предел,
Но при тебе и разум твой, и опыт,
И некий срок еще для сдачи дел
Отпущен – до погрузки и отправки.

Ты можешь на листах ушедших лет
Внести еще какие-то поправки,
Чертой ревливой обводя свой след;

Самозащите доверяясь шаткой,
Невольно прихорашивать итог...
Но вдруг подумать:
Нет, спасибо в шапку,
От этой сласти береги нас бог.

Нет, лучше рухнуть нам на полдороге,
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут.

«К обидам горьким собственной персоны...»

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участие добрых душ.
Жить, как живешь, своей страдой бессонной, —
Взялся за гуж – не говори: не дуж.

С тропы своей ни в чем не соступая,
Не отступая – быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

1968

«Когда обычный праздничный привет...»

Когда обычный праздничный привет
Знакомец твой иль добрый друг заочный
Скрепляет пожеланьем долгих лет,
Отнюдь не веселит такая почта.

К тому же опыт всем одно твердит,
Что долгих лет, их не бывает просто,
И девятнадцать или девяносто —
Не все ль равно, когда их счет закрыт.

Но боже мой, и все-таки неправда,
Что жизнь с годами сходит вся на клин,
Что есть сегодня, да, условно, завтра,
Да безусловно вздох в конце один.

Нет, был бы он невыносимо страшен,
Удел земной, не будь всегда при нас
Ни детства дней, ни молодости нашей,
Ни жизни всей в ее последний час.

«Не заслоняй святую боль...»

Не заслоняй святую боль
Невозмутимым видом,
Коль стих на славу не тобой
Сегодня миру выдан.

Быть может, эта боль – залог
Того, что славы слаще,
Когда пронзает холодок
Удачи настоящей.

1969

«Нет ничего, что раз и навсегда...»

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Все, как в любви, для нас предстанет новым,
Когда настанет наша черед.

Не новость, что сменяет зиму лето,
Весна и осень в свой приходят срок.
Но пусть все это пето-перепето,
Да нам-то что! Нам как бы невдомек.

Все в этом мире – только быть на страже —
Полным-полно своей, не привозной,
Ничьей и невостребованной даже,
Заждавшейся поэта новизной.

1969

«Что нужно, чтобы жить с умом?..»

Что нужно, чтобы жить с умом?

Понять свою планиду:

Найти себя в себе самом

И не терять из виду.

И труд свой пристально любя, —

Он всех основ основа, —

Сурово спрашивать с себя,

С других не столь сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,

Но делать так работу,

Чтоб жить да жить,

Но каждый час

Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох —

Что, близкий или дальний, —

Он все равно тебя врасплох

Застигнет, час летальный.

Аминь! Спокойно ставь печать,

Той вопреки оглядке:

Уж если в ней одной печаль, —

Так, значит, все в порядке.

<1969>

«Час мой утренний, час контрольный...»

Час мой утренний, час контрольный, —
Утро вечера мудреней, —
Мир мой внутренний и окольный
В этот час на смотру видней.

Час открытий, еще возможных,
И верней его подстеречь
До того, как пустопорожних
Ни мечтаний, ни слов, ни встреч.

Не скрывает тот час контрольный, —
Благо, ты человек в летах, —
Все, что вольно или невольно
Было, вышло не то, не так.

Но еще не бездействен ропот
Огорченной твоей души.
Приобщая к опыту опыт,
Час мой, дело свое верши.

Поэмы

Василий Теркин Книга про бойца

От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б – вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар – парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, —
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в шах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой, —

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин – мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —

Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуше,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?... И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так – без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.
С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины

И начнем. А там пойдет.

НА привале

– Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп – во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий – это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
– Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: – Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» – бойцы между собой, —
«Свой!» – переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

– Вам, ребята, с середины
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки – и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

– Сабантуй – какой-то праздник?

Или что там – сабантуй?
– Сабантуй бывает разный,
А не знаешь – не толкуй.
Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался – не горюй:
Это – малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это – средний сабантуй.

Сабантуй – тебе наука,
Враг лютует – сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это – главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

– Вот ты вышел спозаранку,
Глянул – в пот тебя и в дрожь:

Прут немецких тыща танков...

– Тыща танков? Ну, брат, врешь.

– А с чего мне врать, дружище?

Рассуди – какой расчет?

– Но зачем же сразу – тыща?

– Хорошо. Пускай пятьсот.

– Ну, пятьсот. Скажи по чести,

Не пугай, как старых баб.

– Ладно. Что там триста, двести —

Повстречай один хотя б...

– Что ж, в газетке лозунг точен:

Не беги в кусты да в хлеб.

Танк – он с виду грозен очень,

А на деле глух и слеп.

– То-то слеп. Лежишь в канаве,

А на сердце маята:

Вдруг как сослепу задавит, —

Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:

Что не знаешь – не толкуй.

Сабантуй – одно лишь слово —

Сабантуй!.. Но сабантуй

Может в голову ударить,

Или, попросту, в башку.

Вот у нас один был парень...

Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: – Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иванович...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

– Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,

Дождь работал добрый.
Крыша – небо, хата – ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И преник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит – хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то – своя.

Спит герой, храпит – и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя – так это ж точно.
Ну, война – так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впокат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

– Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин – кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой – героем.
На Карельском воевал —

За рекой Сестрою.

И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

– Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило – и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды – вот он! – вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,

Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне – с места, с места – в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди.
Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

Перед боем

– Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,

Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полям шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка – где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,

Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
– Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.
Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
– Не унывай.
Не зарвемся, так прорвемся,

Будем живы – не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали – все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
– Брось ты думать, – говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
– По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,

Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался – не поспеть.
А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую – на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...
– Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим

Мне команду обеспечить.

Дети спят. Жена хлопочет,
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та – не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,

Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.
Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.
Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, — и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,

Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, —
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют – так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют – спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.
– Ты чего?
– А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,

Словно дома – на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.
Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят – пришел отец,
Поглядят – бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доныне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы

Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит, —
«Полагаю – жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому – хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда.
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.
И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу – будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть – и впрямь – ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи – отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —

Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом – чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,

Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны – в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, по том,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,

Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.

Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груды,
Где застыли их следы...

Может – так, а может – чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре – к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.
То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят – маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

– Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
– Не пловец ли одиночка?
– Шутишь, брат. Вода не та!

– Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
– Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
– Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, – впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
– Нет, живой. Без гимнастерки.
– А не фриц? Не к нам ли в тыл?
– Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

– Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
– Разрешите попытаться?
– Что пытаться!
– Братцы, – он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,

Встал живой, – добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает – свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
– Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку – начал жить,
Приподнялся на кровати:
– Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит

Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец! — сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в крошечной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О войне

– Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война – про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я – не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба – дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела – грудь на грудь,
Драка – значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку.
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить, —
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,

Не давать отсрочки.

Раз война – про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил – на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты – тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь – еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

Теркин Ранен

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы – дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты – снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груди,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит – он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом – гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота, —
Жизнь как жизнь.
И опять война – работа:
– Становись!

* * *

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть, —
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: – Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет, —
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку, —
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.

Все в порядке.
– Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.
Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? – Деревушку.
Дом – так дом. Блиндаж – блиндаж.
Врешь, не высидишь – отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?

Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод – за валом огневым,
Теркин с ходу – вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.
Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом, —
Чох! – снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег – ничком.
Вдался вглубь, лежит – не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий – сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит – не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся – глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним – сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс

Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится, — говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...
Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.

Что там дальше – поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрый словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали они.

Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полаты,
Банки, склянки на полу.
Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежды, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,

В обороне нынче – я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут – один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне – убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, – имей в виду.

За секунду до разрыва,

Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер – из пистолета,
Теркин – в мягкое – штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь, – чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это – наши, – понял парень, —
Наши бьют, – теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,

Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.
На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот

Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженных ребят.
И пускай в бою впервые,
Но ребята – свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят – вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,

Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз – с гранатой – вдоль стены.
Тишина. – Углы темны...

– Хлопцы, занята квартира, —
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашний, родной:
– Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.
Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец – башенный стрелок.

Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди, – нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О награде

– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? – Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы

Отвечал бы я не вдруг.

- Как, мол, что? – Бывало всяко.
- Трудно все же? – Как когда.
- Много раз ходил в атаку?
- Да случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

– Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка – самый цвет.

– Нет, – сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: – Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,

Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.
Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Гармонь

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.
Вдруг – сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,

Тормозит:
– Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
– На фронт обратно.
Руку вылечил.

– Понятно.

Не герой?

– Покамест нет.

– Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб – дорога.

Меж сугробами – туннель.

Чуть ли что, свернешь немного,

Как свернул – снимай шинель.

– Хорошо – как есть лопата.

– Хорошо, а то беда.

– Хорошо – свои ребята.

– Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,

Вдруг колонна впереди.

Будь ты пеший или конный,

А с машиной – стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.

Разговор – не разговор.

Наклонился над баранкой, —

Смолк шофер,

Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,

Сколько верст в пурге слепой

На дорогах занесенных

Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые – криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

– Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармонии,
А мороз – ни статья, ни сесть...

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
– Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку – пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

- У кого гармонь, ребята?
- Да она-то здесь, браток... —

Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

- Так сыграть бы на дорожку?
- Да сыграть – оно не вред.
- В чем же дело? Чья гармошка?
- Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
– Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

– Так... – С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
– Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
– Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое – были мы друзья.

– Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же – посудите —
Может, завтра – с места в бой...

– Знаешь что, – сказал водитель, —
Ну, сыграй ты, шут с тобой.
Только взял боец трехрядку,
Сразу видно – гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,

Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.
Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы, —

Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.

– Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

– Отморозил парень пальцы, —
Надо помощь скорую.
– Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.
И забыто – не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,

До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

– Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
– Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.
Подает за шуткой шуку:

– Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому – каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места – в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что – гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
– Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?

Не тебя ли это, брат,

Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...
Приглушил гармонь:
– Ну что же,
Очень даже может быть.

– Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
– Это точно...
– А гармонь-то,
Знаешь что, – бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
– Что вы, хлопцы, как же так?..

– Ничего, – сказал водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это – память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» – донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин, —
Это был, конечно, он.

Два солдата

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит – Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
– Перелет! Лежи, старуха. —
Или скажет:
– Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила – не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

– Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!.. —
Теркин встал:

– А может, дед,
У нее развода нет?
Сам пилу берет:

– А ну-ка... —
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:

– Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть – и то отрадно:

Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась – и готово.
– На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
– Вот что значит мы, солдаты, —
Ставит бережно в углу.

А старуха:
– Слаб глазами,
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —
Все ж часы, а не пила, —
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул, —
Что ты думаешь, — пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час — другой, вперед — назад.
— Вот что значит мы, солдаты. —
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.
Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:

– Бабка, сало здесь.

Не был немец – значит, есть!

И добавил, выжидая,

Глядя под ноги себе:

– Хочешь, бабка, угадаю,

Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,

Завозилась на печи.

– Бог с тобою, разве можно...

Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато

Гостя под локоть тишком:

– Вот что значит мы, солдаты,

А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,

Лезет с печки, сало жарит

И, страдая до конца,

Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски

Нет полезней и прочней.

Полагается по-русски

Выпить чарку перед ней.

– Ну, хозяин, понемножку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.